



Новый годъ въ древней Руси. Въ древнія времена, когда наши предки были еще язычниками, началомъ года считалась весна, — мартъ мѣсяцъ. Люди радовались, что день все прибываетъ, становится длиннѣе ночи. Радовались весеннему солнышку, которое все теплѣй и теплѣй пригрѣваетъ землю; радовались, что снѣгъ таетъ, показывается зелень, птицы прилетаютъ съ юга. Радостно встрѣчали люди „утро года“ и сообща устраивали въ то время веселые праздники.

Какъ только появлялись первые вѣстники весны, люди начинали славить въ пѣсняхъ „ясное солнышко“, водить хороводы, устраивать игрища, совершать съ разными, издавна установленными обрядами жертвоприношенія, гадать о будущемъ лѣтѣ: будетъ ли въ пору дождь и ведро, уродится ли хлѣбъ богато. Такъ велось не только во времена язычества, но даже и спустя лѣтъ 250 послѣ того, какъ Русь крестилась: новый годъ, по старому обычаю, праздновали перваго марта.

Въ 1348 году лѣтосчисленіе перемѣнилось, и стали

праздновать новый годъ 1-го сентября, въ день св. Симеона Столиника, котораго народъ называетъ *лтнпроводцемъ*. Съ перваго сентября начинались разные сельско-хозяйственные договоры, и „Семеновъ день“, считался срокомъ для взноса оброковъ и разныхъ даней.

День „*Лтнпроводца*“ отличался ото всѣхъ другихъ дней въ году: въ этотъ день всякому дозволялось являться прямо къ царю и просить у него суда и защиты.

Въ честь новаго года въ Московскомъ Кремлѣ происходилъ торжественный „*Царскій выходъ*“. Въ Москву собиралось къ этому дню множество народа изъ окрестныхъ селъ и деревень, и даже съѣзжались изъ отдаленныхъ городовъ.

Царскій выходъ начинался въ десять часовъ утра. Противъ краснаго крыльца устраивался деревянный помостъ, огороженный ярко раскрашенными рѣшетками и устланный дорогими турецкими и персидскими коврами. На помостѣ устраивали роскошные шатры для царя и патріарха, и здѣсь совершалось молебствіе. На Соборной площади, около царскаго помоста, возвышались деревянныя площадки, на которыхъ стояли стрѣлецкіе начальники, стряпчіе и дворяне — въ расшитыхъ золотомъ одеждахъ. На паперти Архангельскаго собора помѣщались иноземные послы и вообще иностранные гости, а на самой площади стояли стрѣлецкіе полки со знаменами, въ воинскихъ доспѣхахъ. Здѣсь же толпился и народъ.

Передъ началомъ шествія на колокольнѣ Ивана Великаго раздавался звонъ, и взоры всѣхъ обращались на царскій дворецъ. На крыльцо выходитъ царь, а за нимъ

идуть царевичи, царевны и всѣ его домочадцы, а за ними уже и царская свита въ богато расшитыхъ золотомъ кафтанахъ. Послѣ молебствія бояре и высшіе чины поздравляютъ царя, а народъ шумно привѣтствуетъ его криками, и всѣ „кланяются ему до земли“. Съ помоста царь идетъ въ Благовѣщенскій соборъ, при чемъ на пути раздавали щедрую милостыню нищимъ.

Въ честь новаго года царь Алексѣй Михайловичъ установилъ особую церемонію—„славленіе“. Оно заключалось въ томъ, что самъ царь ходилъ въ новый годъ по домамъ знатнѣйшихъ вельможъ, и поздравлялъ ихъ съ „Новымъ годомъ“. „Славленіе“ начиналось съ полудня. Впереди процессіи ѣхали два красиво разодѣтыхъ чиновника и били въ барабаны палочками, обернутыми въ сукно. За ними слѣдовали роскошно убранныя царскія сани, въ которыхъ возѣдалъ самъ царь, а за нимъ ѣхала многочисленная свита—князья, бояре. При входѣ въ домъ царь со свитой пѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“, и потомъ поздравляли хозяина съ домочадцами „съ Новымъ годомъ“. Хозяинъ подносилъ царю дорогой подарокъ, а иногда и крупную сумму денегъ, и послѣ того угощаль царя и всю его свиту.

Петръ Великій перенесъ праздникъ Новаго года на первое января, но славленія не отмѣнилъ, а еще болѣе заботился о пышности этой церемоніи. Въ 1702 году въ ней участвовало до 300 князей и бояръ, сопровождавшихъ царя и въ саняхъ, и верхомъ. Если кто изъ приглашенныхъ князей или бояръ не являлся на „славленіе“, того наказывали. Такъ, одного боярина,

Григорія Камынина, строго наказали за то, что, будучи записанъ „въ славленіе“, онъ не явился.

И по деревнямъ въ старину справляли новый годъ. Дѣвушки и парни веселились въ хороводахъ, а пожилые люди устраивали „складчины“, — для общаго гулянья. Въ новый годъ совершались закладки новыхъ избъ и другихъ новыхъ построекъ, потому что, по мнѣнію старыхъ людей, постройки отъ этого будутъ долговѣчнѣе. Былъ еще и такой обычай: крестьяне выбирали два снопа хлѣба, надѣвали на нихъ сарафаны и кокошники и относили на барскій дворъ. Господа угощали крестьянъ виномъ и брагой.

Но еще интереснѣе былъ слѣдующій обычай, уцѣлѣвшій, видимо, со временъ язычества. Чтобы избавиться навсегда отъ надоедливыхъ насѣкомыхъ (таракановъ, клоповъ), дѣвушки и женщины собирались къ условленному дому и устраивали здѣсь „похоронки“. Для этого изъ мясистаго корня моркови, рѣпки или рѣпы онѣ выдѣлывали маленькій гробикъ съ крышкой и сажали въ него клопа или таракана. При этомъ всѣ дѣвушки наряжались въ лучшія платья. Одна или двѣ брались за нитку, привязанную къ гробику, и потихоньку волокли его къ ручью; остальные шли за гробикомъ и плакали съ разными причитаніями, какъ по покойникѣ. Подойдя къ ручью, онѣ бережно подымали гробикъ и бросали въ воду, выбравъ мѣстечко поглубже. Тѣмъ и заканчивался обрядъ „похоронокъ“. Этотъ обычай уцѣлѣлъ еще въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ и до сихъ поръ, и „похоронки“ считаются лучшимъ средствомъ, чтобы избавиться отъ мышей, таракановъ и другихъ непрошенныхъ

нахлѣбниковъ. Только теперь похоронки бываютъ не въ
новый годъ, а какъ случится.
